

НОВОЕ В ФИЛОСОФИИ

Проективный философский словарь

Чрезвычайно насущной задачей для современной российской философской мысли является создание новых, оригинальных философских идей и направлений, подходов, их осмысление и развитие. Много заимствуя у современной западной философии, от феноменологии до деконструкции, от прагматизма до анализа языка, российская мысль задержалась в своем самостоятельном развитии на освоении наследия религиозной философии Серебряного века и философии русского зарубежья, евразийства – комплекса идей действительно важных, однако не в полной мере раскрывающих всю глубину вызовов современности и в своих возможностях не совсем готовых к интеллектуальным перспективам XXI века.

И хотя для постсоветской философии уже завершилась эпоха марксистско-ленинского «единомыслия», современное гуманитарное интеллектуальное пространство остается все еще не достаточно диверсифицированным и, во многом, аморфным.

С этого номера журнал «Философские науки» открывает раздел «Новое в философии», где будут публиковаться программные статьи, манифесты новых философских направлений, проективные материалы, направленные на смену интеллектуальных парадигм, прорывы в методологии наук, создание новых гуманитарных дисциплин, концепций и систем мысли. Первыми в этой рубрике будут опубликованы материалы «Проективного философского словаря», второе, расширенное издание которого готовится в издательстве «Гуманитарий». Первое издание «Проективного философского словаря: Новые понятия и термины» вышло под редакцией Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна в петербургском издательстве «Алетейя» в 2003 г. и давно стало библиографической редкостью. В нем было представлено 165 статей одиннадцати авторов. Выход Словаря был оценен как методологический прорыв в отечественных гуманитарных науках (см., например: *Вироплайн Мария*. Протоязык XXI века // Новый мир. 2004. № 9).

В новом издании предполагается расширить круг авторов и терминов и одновременно упорядочить критерии отбора. В первой публикации данной рубрики мы начинаем со вступительной статьи Михаила Эпштейна, вводящей в проблематику и концепцию издания и очерчивающей начала «проективной философии», или «философии языкового синтеза», как можно назвать это направление мысли. Наряду с теоретической частью она содержит и практическую, собственно проективную, предлагая синтез ряда новых терминов и концептов. Предлагаются также две словарные статьи М.Н. Эпштейна.

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКОВОГО СИНТЕЗА. О ПРОЕКТИВНОМ МЫШЛЕНИИ

М.Н. ЭПШТЕЙН

...Отношение понятия к языку не сводится только к критике языка, но и включает также и проблему отыскания языка. Вот что представляется мне поистине великой, захватывающей драмой философии: что философия — это постоянное усилие отыскания языка или, скажем с еще большим пафосом, постоянная мука нехватки языка... Словесная находка играет в философии явно исключительную роль.

Ганс-Георг Гадамер.

История понятий как философия

Проективный словарь как философское смыслотворчество

Существуют разные типы философских словарей и энциклопедий, но все они — **дескриптивные**, т.е. описывают термины, уже бывшие раньше в употреблении (в мировой или национальной философии, у определенной школы или автора). **Проективный словарь** — это особый, **порождающий** жанр философского дискурса. Он содержит термины и понятия, которые **впервые предлагаются** для употребления, т.е. именно посредством словаря вводятся в жизнь и мысль философского сообщества. В словаре отражены интеллектуальные, культурные, технические, социальные процессы, характерные для начала третьего тысячелетия и требующие новых способов философской артикуляции.

Обычный путь терминов таков: от использования в конкретных текстах — к фиксации и систематизации в словаре. Проективный словарь, напротив, не регистрирует, а предвосхищает, потенцирует, проектирует будущие дискурсы и тенденции в развитии данной дисциплины, очерчивает круг ее концептуальных и терминологических возможностей. Например, в данном Словаре дается определение таких терминов, как «**Всеразличие**», «**Инфиниция**», «**Концептивизм**», «**Культуроника**», «**Мыслезнание**», «**Недо-**», «**Потенциация**», которые раньше не использовались никем, кроме их авторов, выступающих и как авторы соответствующих словарных статей. Именно благодаря Словарю эти термины могут (подчеркиваю данную модальность) войти в профессио-

нальное обращение, получить дополнительную разработку, расширить возможности философского языка.

Словотворчество, терминообразование всегда играло особую роль в философии, которая занята поиском таких концептов, категорий, освобождающих мысль от плена повседневного языка и предрассудков здравого смысла. Мыслить — это значит заново создавать язык, «поперечный» житейскому языку, критически очищенный от захватанных значений, клише, автоматизмов сознания, резко остраивающий, деавтоматизирующий их. Творчество мыслителя стремится запечатлеть себя в конструкции странных, диких слов, которые откликнулись бы на бытийные «слова» — трудновыразимые понятия и смыслы, лежащие в основе мироздания. При этом философ может пользоваться словами, уже существующими в языке, придавая им новый фундаментальный смысл, т.е. творя не столько лексические, сколько семантические неологизмы.

Философский неологизм — итог движения мысли, которая проходит через множество ступеней доказательства, разветвляется в многотомных словесных построениях, чтобы в конце концов не найти лучшего воплощения, чем в одном единственном слове, которое и остается печатью бессмертия мыслителя, следом его пребывания в самом языке, а не просто в текстах. «Платонизм — учение об **идеях**»; «Гегель — основоположник **диалектического** метода»; «Ницше — провозвестник **сверхчеловека**». Слово — самая плотная упаковка смысла, наилучший хранитель той многообразной информации, которая рассыпана в текстах мыслителя. Слово «идея», возведенное Платоном в философскую категорию («обобщенный уместимый и бытийствующий признак»), уже навсегда вобрало в себя мысль Платона, и тот, кто пользуется этим термином, вольно или невольно является платоником, даже если он антиплатоник по своим воззрениям. Язык обслуживает самые разные воззрения, которые только потому и могут спорить и противоречить друг другу, что говорят на общем языке.

Вопреки расхожему представлению, что творение новых слов — дело писателей, философия даже более глубинно втянута в этот процесс, более зависима от способности языка образовывать новые слова, которые содержали бы квинтэссенцию данной понятийной системы. Ни Пушкин, ни Толстой, ни Чехов не создавали целенаправленно новых слов, им достаточно было слов, существующих в литературном языке и устной речи. Но

философ испытывает трудности с языком именно потому, что он работает не с наличными словами, а с мыслью, которая хочет переспорить язык. Философ часто не находит нужных ему слов в естественном языке и изобретает новые слова или придает новые значения известным словам. Поэтому, например, мысль Вл. Соловьева или М. Бахтина трудно представить вне тех словесных построений (оригинальных или переводных), которые они вводили в русский язык именно с позиции философской «вне-находимости» по отношению к нему. «Всеединство», «Богочеловечество», «софиология», «многоголосие», «участность», «вне-находимость» — некоторые из наиболее известных концептуальных новословий Соловьева и Бахтина.

Философия, как и любая дисциплина, не может развиваться без обновления своей концептуально-терминологической системы. Для философии начала ХХI в. это тем более важно, что в ХХ в. она приобрела, особенно в англоязычном мире, лингвистическую ориентацию и сосредоточилась на анализе языка. Переход к синтезу языка, к системному построению новых понятий и терминов, знаменует собой новый поворот философии, который обещает придать ей более творческий характер в ХХI в. Сейчас как никогда свежо звучит призыв Ф. Ницше: «Философы догадываются только напоследок, что они не могут уже больше пользоваться готовыми понятиями, не могут только очищать и выяснять их, но должны сначала *создать, сотворить* их, установить их и убедить в них»¹.

Эта же задача ставится в трудах Ж. Делеза и Ф. Гваттари, направленных именно на масштабное обновление философского языка, синтез новых концептов и терминов: «Философия — дисциплина, состоящая в *творчестве* концептов... Поскольку концепт должен быть сотворен, он связан с философом как человеком, который обладает им в потенции, у которого есть для этого потенция и мастерство. На это нельзя возражать, что о “творчестве” обычно говорят применительно к чувственным вещам и к искусствам, — искусство философа сообщает существование также и умственным сущностям, а философские концепты тоже суть “sensibilia”. Собственно, науки, искусства и философии имеют равно творческий характер, просто одна лишь философия способна творить концепты в строгом смысле слова. Концепты не ждут нас уже готовыми, наподобие небесных тел. У концептов не бывает небес. Их должно изобретать, изготавливать или, скорее, творить, и без подписи сотворившего они ничто.

... Платон говорил, что следует созерцать Идеи, но сперва он должен был сам создать концепт Идеи. Чего стоит философ, если о нем можно сказать: он не создал ни одного концепта, он не создал сам своих концептов?»²

Именно жанр проективного словаря может оказаться наиболее прямой и емкой формой для представления новых концептов и введения их в общественное сознание. Под всеми терминами и концептами в этом словаре стоят **подписи их творцов**. В том случае, если слово или термин употреблялись и раньше, для них предлагается новое значение, понятие, концепт (см., например: **Глубина, Как бы, Интересное, Мудрость, Постчеловечность, Самозванство**). Обычно словарь занимает «эпическую» дистанцию по отношению к представленным в нем материалам. Данный же словарь не только проективный, но и в каком-то смысле «**лирический**», поскольку авторы статей выступают и как их персонажи — действующие, точнее, мыслящие лица, которые делятся собственными терминами и понятиями, а не описывают чужие, введенные другими авторами.

От анализа к синтезу

Такой переход от описательно-обобщающих к порождающим функциям словаря совпадает с ходом философского развития последних десятилетий и отчасти предвосхищает его следующий этап. В философии XX в., особенно его второй половины, преобладает **лингво-аналитическая** ориентация, в разной степени характерная и для европейского структурализма и постструктурализма, и для англо-американской аналитической традиции: анализ повседневного, научного и собственно философского языка, его семантических, грамматических и логических структур. Работа над проективным словарем может рассматриваться как *продолжение* и одновременно *преодоление* этой тенденции. «Лингвистический поворот» переходит из аналитической в синтетическую фазу. Если предмет философии — универсалии, идеи, общие понятия, категории, концепты — представлен прежде всего в языке, то задача философии — не просто исследовать, но и **расширять существующий язык, синтезировать новые слова и понятия, лексические поля, вводить новые языковые правила, увеличивать объем говоримого, а значит и мыслимого, и потенциально делаемого**.

Философия воплощает в слове систему движущихся понятий и задает им дальнейшее движение смыслопорождающей новизной самих слов.

Сходные процессы «словаризации» творческого процесса происходят сейчас и в других областях культуры, даже таких далеких от философии, как кино, где возникает так называемая *database narrative* (термин Льва Мановича), т.е. «словарное повествование». Не фильм снимается по сценарию, а сценарий составляется по тем образам, картинкам, которые имеются в базе киноданных, в видеословаре. Сначала кинотезаурус, потом составленный из них видеоряд, кинотекст. Причем из одного ресурса образов можно составить разные кинотексты, выражающие идеи и позиции разных авторов. Так и в нашем словаре латентно содержится множество текстов, которые могут работать от энергии предложенных слов-понятий, реализуя разные их смысловые возможности. Проективный словарь — это порождающая модель расходящегося ряда философских работ, которые могут иметь противоположную направленность, воплощать разные концепции, защищать разные позиции, но при этом использовать общий терминологический ресурс.

В отличие от вышеописанной кинопоэтики проективный словарь не работает с заранее составленной базой данных (терминов, концептов), но сам **творчески составляет** такую базу для будущих текстов. Выражение «творческое составление» звучит как оксюморон, отражая жанровую противоречивость, взрывчатость **проективного словаря**. То, что обычно «составляется», «компилируется», аккумулируя в себе результаты предыдущих оригинальных трудов, здесь выступает как первичный, творческий жанр.

Проективность в философии. Лингво-витализм

Проективность может быть понята как свойство не только словарного жанра, но и метода мышления. «Проективизм» как метод сочетает в себе такие философские традиции, которые считаются трудно совместимыми: ницшевскую философию жизни и витгенштейновскую философию языка — витализм и лингвизм. Проективизм, или **лингво-витализм**, — это расширение жизненного пространства философского языка, умножение его мыслимостей и говоримостей. Согласно аналитической традиции, идущей от позднего Л. Витгенштейна, философия есть «критика языка», она призвана изучать языковые игры, уточнять значения слов, понятий и правил, используемых в речевых практиках: в быту, науках, искусствах, разных профессиях и досугах. Но философия имеет и другое призвание: вести

собственную языковую игру, постоянно пересматривать и расширять ее правила, ее концептуальную основу, объем ее лексических и грамматических единиц, мыслеобразов и мыслеформ. По теории позднего Л. Витгенштейна, язык не говорит «правду» о мире, не отражает наличные факты, «атомы» мироздания, но играет по собственным правилам, которые различаются для разных дискурсивных областей, типов сознания и поведения. «Термин “языковая игра” призван подчеркнуть, что *говорить* на языке — компонент деятельности или форма жизни»³. «Игра» и «жизнь» — вот ключевые понятия, которые сближают Витгенштейна с Ницше: в языке должна играть та же самая жизнь, которая играет в природе и в истории.

Но тогда и задача философии как **метаязыка**, описывающего и уточняющего «естественный» язык, состоит вовсе не в «правдивом анализе языка», но в том, чтобы сильнее «раскрывать» свою собственную языковую игру. Основная предпосылка аналитической философии — язык как игра — содержит в себе опровержение чистого аналитизма и ставит перед философией совершенно иную, синтезирующую, конструктивную задачу: не говорить правду о языке, как и язык не говорит правду о мире, но укреплять и обновлять жизнь самого языка, раздвигать границы мыслимого и говоримого. Здесь ницшевский витализм приходит на помощь аналитически тонкому, но конструктивно бедному витгенштейновскому лингвизму и переносит на язык все те заповеди могущества, доблести и отваги, которые Ницше обращает к жизни. Перефразируя Ницше, можно сказать, что философия — это воля к власти: не сверхчеловека над миром, а сверхязыка над смыслом. Философия, в отличие от первичных, практических языков, не выражает готовые или наличные смыслы, но хочет царить над метаязыком, над самими правилами языка и возможностями смыслообразования. Или, как выразился малоизвестный мыслитель советской эпохи (*Яков Абрамов*), «слову не дано быть точным, остается быть дерзким»⁴.

В этом смысле дерзость словотворчества, витальность самого языка и является методологической основой данного словаря и вообще системно-проективного подхода к задачам и возможностям философии. Словарь представляет собой опыт гипотетического дискурса, так сказать, сеяния тех понятий-семян, которые могут дать всходы в новой генерации философских текстов.